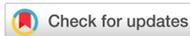

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(7), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Токарев Г. В. Признаки повседневности в лингвокультурологическом освещении / Г. В. Токарев // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 66—81. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-66-81.

Tokarev, G. V. (2023). Signs of Everyday Life in Linguocultural Studies. *Nauchnyi dialog*, 12 (7): 66-81. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-66-81. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-66-81

Признаки повседневности в лингвокультурологическом освещении

Токарев Григорий Валериевич

orcid.org/0000-0002-2362-0902
доктор филологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой
документоведения и стилистики
русского языка
grig72@mail.ru

Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)

Благодарности:

Исследование «Символярий
региональной идентичности»
выполнено за счет средств
гранта Российского научного фонда
№ 22-28-20342
и Правительства Тульской области
(соглашение № 6 от 19 апреля 2022 г.).

Signs of Everyday Life in Linguocultural Studies

Grigory V. Tokarev

orcid.org/0000-0002-2362-0902
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Documentation
and Stylistics of the Russian Language
grig72@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University
(Tula, Russia)

Acknowledgments:

The study “Symbolary of Regional
Identity”
was funded by a grant from
the Russian Science Foundation
№ 22-28-20342
and the Government of the Tula Region
(agreement № 6 dated April 19, 2022).

© Токарев Г. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена лингвокультурологическому освещению феномена повседневности, под которой понимается сегмент обыденной культуры, охватывающий текущее время. Источниками исследования стали «Воспоминания» В. В. Вересаева, очерки «Нравы Растеряевой улицы» Г. И. Успенского, дневники С. А. Толстой, тульские газеты, топонимы. Исследование осуществлено методами дискурсивного, концептуального анализа, лингвокультурологической интерпретации. Выделены культурно маркированные признаки повседневности: детерминированность настоящим, ориентированность на узусальное, стандартное, прецедентный характер. Выявлено, что повседневность сегментируется в зависимости от качеств и свойств интерпретатора. Отмечается, что она отражает нормы и запреты. Показано, что повседневность заурядна, стабильна и в то же время переходяща, отражает наивное сознание, наполнена большим массивом культурных установок, стереотипов, сценариев. Повседневность формирует базу оснований оценки, которой руководствуется человек, при этом ментальный аспект повседневности объединяют принципы: так принято, так должно. Рассматривается семиотический аспект, представленный различными практиками человека и привычными для него знаковыми множествами, в которых они осуществляются. Выявлены типичные вербальные тексты, выражающие повседневность: мемуары, дневники, путевые заметки, газеты. Сделан вывод, что повседневность связана с идентичностью, поскольку она воспринимается субъектом культуры как своё, понятное пространство.

Ключевые слова:

культура; язык; наивная картина мира; повседневность; идентичность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is dedicated to the linguocultural analysis of the phenomenon of everyday life, which refers to the segment of ordinary culture that encompasses the present time. The sources of the study were V. V. Veresaev's "Memories", G. I. Uspensky's essays "Customs of Rasteryaev Street", S. A. Tolstoy's diaries, Tula newspapers, and toponyms. The study was conducted using discourse, conceptual analysis, and linguocultural interpretation methods. Culturally marked signs of everyday life were identified, including determination by the present, orientation towards the usual and standard, and precedent character. It was found that everyday life is segmented depending on the interpreter's qualities and properties. It reflects norms and prohibitions. It is shown that everyday life is ordinary, stable, and at the same time transient, reflects naive consciousness, and is filled with a large array of cultural attitudes, stereotypes, and scenarios. Everyday life forms the basis for evaluating which people follow based on the principles of "this is how it is done" and "this is how it should be". The semiotic aspect is considered, represented by various human practices and sign sets that are familiar to them. Typical verbal texts expressing everyday life were identified, including memoirs, diaries, travel notes, and newspapers. It is concluded that everyday life is related to identity since it is perceived by the cultural subject as their own, understandable space.

Key words:

culture; language; naive worldview; everyday life; identity.

Признаки повседневности в лингвокультурологическом освещении

© Токарев Г. В., 2023

1. Введение = Introduction

Феномен повседневности притягивает внимание учёных различных гуманитарных областей. В. Д. Лелеко отмечает: «...повседневность стала одной из центральных проблем современного гуманитарного знания, ... к настоящему времени сложилась междисциплинарная область знания, “повседневноеведение”, включающее в себя социологию повседневности, историю повседневности, гносеологию и психологию повседневности, эстетику повседневности, семиотику повседневности» [Лелеко, 2002, с. 6]. С предложенной учёным характеристикой рассматриваемого явления трудно не согласиться. Однако в данном справедливом тезисе не упоминается лингвистика. С одной стороны, языковедение занимается изучением обыденной картины мира, представляющей собой «коллективную философию» [Апресян, 1995, с. 350], отражённую естественным языком, то есть, по сути, повседневность в какой-то степени всегда была объектом языкознания. С другой — вербальный аспект повседневности нуждается в особом описании. Мы полагаем, что данное семиотическое множество может быть изучено с опорой на лингвокультурологический метод, рассматривающий факты языка и речи в категориях культуры: концептах, представлениях, стереотипах, эталонах, культурных установках, нормах и запретах и др.

В монографических исследованиях, посвящённых проблеме повседневности, дана исчерпывающая история данного вопроса. Следует отметить, что повседневность рассматривалась в первую очередь историками и культурологами. Среди филологических работ можно назвать труды А. Н. Афанасьева, А. А. Потемни, Ю. М. Лотмана, Н. И. Толстого, В. Н. Топорова и др., в которых затрагивались вопросы повседневности при описании иных проблем. Так, в комментариях к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» Ю. М. Лотман освещает вопросы повседневности первой трети XIX века в связи с толкованием устаревших слов, объяснением включённых цитат и др. В указанных работах задача описания повседневности специально не ставилась и освещалась параллельно с другими, основными целями исследования. К настоящему времени изучение повседневности осуществлено

в двух аспектах. Во-первых, рассмотрены вопросы повседневного сознания (Ф. Бродель, А. Шюц и др.), его организация и когнитивный стиль, стратегия. Во-вторых, описаны отдельные семиотические множества, объективирующие наивный опыт (А. А. Потебня, Ю. М. Лотман и др.).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В науке предложены дефиниции повседневности. М. В. Капкан понимает под повседневностью «...не только объективные условия ежедневного существования и устойчивые стереотипные образцы поведения и решения проблем, но и субъективные переживания, мнения, оценки и способы мировосприятия, характерные для обыденной жизни» [Капкан, 2016, с. 14]. В данном определении для нас важно выделение ментального и семиотического аспектов повседневности. Как следует из дефиниции, ментальный аспект повседневности составляют как объективные знания — стереотипы, так и субъективные — индивидуальная рефлексия на действительность. А. Л. Ястребицкая трактует повседневность как «нечто обыденное, рутинное, субъективное, что и устоялось со временем, ... как сферу жизнедеятельности человека, в которой удовлетворяются базовые материальные и духовные потребности человека» [Ястребицкая, 1991, с. 95]. В данном определении повседневность объяснена с точки зрения теории потребностей. Важно, что рассматриваемая категория прочитывается исследователем в качестве феномена обыденной картины мира. Н. А. Калёнова характеризует повседневность как «...привычное для носителя культуры течение жизни, характеризующееся повторяемостью событий, цикличностью временной и пространственной организации жизненного континуума» [Калёнова, 2020, с. 97]. Учёный акцентирует внимание на пространственно-временных аспектах феномена. В деятельностном ключе объясняет повседневность Г. Г. Кириленко: «...это аспект устойчивости и одновременно готовности ко всему» [Кириленко, 2009, с. 255—256].

В настоящей работе под *повседневностью* мы понимаем сегмент обыденной культуры, охватывающий текущее, актуальное время. Предметом изучения являются признаки повседневности в её лингвокультурологическом освещении.

Источниками исследования стали «Воспоминания» В. В. Вересаева, очерки «Нравы Растеряевой улицы» Г. И. Успенского, дневники С. А. Толстой, тульские газеты, то есть тексты, в которых нашла отражение повседневная жизнь. Методами и приёмами исследования является дискурсивный и концептуальный анализ, лингвокультурологическая интерпретация.

Далее представлены результаты изучения природы повседневности в лингвокультурологическом освещении.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Континуальные признаки повседневности

Повседневность генерируется настоящим. Этот аспект представляет интерес для лингвокультурологии, рассматривающей синхронную интеграцию языка и культуры. В. Н. Телия отмечала: «Лингвокультурология призвана исследовать и описать взаимодействие языка и культуры ... в их современном состоянии или в определённые синхронные срезы этого взаимодействия» [Телия, 1996, с. 216]. Повседневность включает в себя обычное, общепринятое, закономерное, стандартное, привычное. Эти признаки, например, проявляются в названиях городских объектов. Так, в Туле девятнадцатого века был район, называемый в простонародье *Поповым болотом*. Он располагался недалеко от реки Упы, которая, разливаясь, затопляла это местечко. За сырость и грязь оно получило название *болота*. *Поповым* же его именовали потому, что здесь жили представители духовенства и недалеко располагалась семинария. Один из мостов в Туле того же периода получил название *Чёртова*. Он находился на окраине города, и под ним прятались бандиты. Всем тулякам, жившим в XIX веке, были понятны лингвокультурные легенды [Токарев, 2023], связанные с указанными единицами. Отсюда следует важный признак повседневности — прецедентность. Заметим, что приведённые примеры отражали жизнь города позапрошлого века: его территориальную и социальную организацию, типичные ситуации и т. д. Номинации утратили актуальность для современного туляка. М. В. Капкан отмечает: «Весь повседневный мир строится на идее повторяемости и предсказуемости, что позволяет экономить усилия» [Капкан, 2016, с. 16]. Так, на пересечении двух центральных улиц: Посольской и Киевской — в старой Туле располагалась рюмочная, здесь всегда можно было увидеть нетрезвых людей, что нашло отражение в годониме *Пьяный угол*. Научная привлекательность повседневности заключается в том, что она преходяща. Она включает в себя феномены, которые могут не оставить следа в истории, поэтому они должны найти научное описание. Так, не каждый современный туляк сможет объяснить, где находятся микрорайоны *Пятилетка*, *Лентяевка* в связи с утратой актуальности данных неофициальных наименований и закреплённых за ними лингвокультурных легенд. С одной стороны, повседневность стабильна, с другой — она незаметно меняется.

Повседневность сегментируется в зависимости от качеств и свойств интерпретатора. Во внимание принимается возраст, пол, профессия, увлечения и др. Современный двадцатилетний юноша, проживающий в Туле, декодировал знак *артучилище* не как Тульское артиллерийское училище (которое было расформировано в 2010 году), а как художественное учили-

ще с опорой на свою когнитивную базу. Этот пример отражает субъектную ориентированность повседневности. В связи с этим можно говорить о повседневности дошкольника, женщины, врача и т. д. Например, Г. И. Успенский так описывает обычное времяпрепровождение тульских мальчишек XIX века: «Растеряевские мальчишки запасаются этими свистящими конями и в течение целого года разнообразят смертельно пронзительным свистом свое горестное существование» [Успенский, 1977, с. 24]. Софья Андреевна Толстая так рассказывает о начале одного из обычных дней своей жизни: «Утром поздно встала, в спальню ко мне, как всегда, вошли дети один за другим; потом Лёвочка. Андрюшу, спавшего утром у меня, я его кормила, унесли, а я стала мерить новое платье, которое очень хорошо» [Толстая, 2022, с. 70]. Запись отражает повседневные занятия женщины.

В связи с этим Г. Г. Кириленко отмечает: «В рамках современной социологии повседневности социальному рассмотрению подвергается самый широкий спектр явлений “изнаночной стороны” жизни общества: 1) зонирование пространства обитания в быту (в квартире и ее комнатах, в деловых и “спальных” районах мегаполисов, в общественном и личном транспорте) и на работе; 2) хронометраж времени будничного и выходного дней, периода труда и отпуска, а также формы досуга; 3) ролевые функции в разных контактных группах (семейных, офисных и пр.), тактики языкового поведения и специфика межличностного взаимодействия в специальных учреждениях (образовательных, медицинских и др.); 4) порядок социализации разных общественных групп (поколений мужчин и женщин, представителей титульных этносов и мигрантов и т. п.); 5) формы питания; 6) ежедневные и праздничные ритуалы, модификация этикета (переговоры и визиты гостей дома и в развлекательных заведениях, свадьбы, похороны), униформа, мода, макияж; и многие другие стороны бытовой сферы жизни человека» [Кириленко, 2009, с. 247—248].

Повседневность представляет собой то, что окружает человека; то, что составляет для него норму. В литературе ведётся дискуссия о взаимоотношении понятий «повседневность» и «быт». По мнению М. М. Ринчиновой, «повседневность изменчива и деятельна. Понятию быт напротив присуща статичность и инертность» [Ринчинова, 2019, с. 75]. На наш взгляд, быт является частью повседневности, отражая её материальный аспект. Повседневность заурядна. Она не включает в себя шедевры, её не отличает гениальность. Ю. В. Карлсон отмечает: «Повседневность — это сфера человеческой обыденности, реальность, в которую человек погружен с рождения; реальность, которая ощущается как естественное состояние, как собственная, частная сфера жизни, наполненная будничными событиями, рутинная сфера, повторяющаяся изо дня в день, где все принимается на веру» [Карлсон,

2011, с. 12—13]. Так, в сознании туляка двадцатого века были актуальны представления о высшем образовании, связанные с тремя вузами: *педом*, *полтехом* и *артухой*. Первый ассоциировался с гуманитарным образованием, с учебным заведением, в которое несложно поступить и в котором учатся преимущественного девушки. Второй — с техническим образованием, наличием военной кафедры, связью с оборонными предприятиями города. Третий — с военным образованием. Кроме того, в сознании горожан сформировались эталоны средних учебных заведений, одним из которых стала *двадцатка* ‘городская школа № 20’. Был актуален стереотип, что школа даёт хорошее математическое образование, лингвокультурная легенда, что здесь учился чемпион мира по шахматам А. Карпов.

Как известно, культура имеет два измерения: ментальное и семиотическое. В. Н. Телия даёт следующее определение культуре, подчёркивая в ней указанные аспекты: «...это мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» [Телия, 1996, с. 222]. Эта закономерность распространяется и на повседневность как часть культуры. Рассмотрим содержание повседневности в двух названных аспектах.

3.2. Ментальное измерение повседневности

Повседневность затрагивает актуальную часть наивного сознания. В. Д. Лелеко характеризует его как «базовое, фундаментальное знание первого порядка, то есть донаучное знание, опирающееся на здравый смысл» [Лелеко, 2002, с. 17]. На наш взгляд, наивное и научное познание могут существовать параллельно. Вряд ли все содержательные типы знания можно представить в виде цепочки: наивное знание → научное знание. Какая-то часть информации представляет собой знание, полученное научными методами. Существует сегмент знаний, которые до определённого времени оценивались как научные, а затем были отнесены к псевдонаучным из-за их несостоятельности, поэтому, полагаем, неверно характеризовать обыденные знания в качестве базовых, фундаментальных, первичных.

В. Д. Лелеко пишет: «Восприятие и интерпретация повседневности осуществляется обыденным сознанием, обыденным мышлением» [Лелеко, 2002, с. 15]. Данный тезис нуждается в уточнении, поскольку повседневность сама является частью обыденного сознания. Восприниматься и интерпретироваться она может как наивным, так и научным сознанием.

В ментальном аспекте повседневность наполняют представления об обычном течении жизни. Так, В. В. Вересаев в своих «Воспоминаниях» рассказывает об установившейся семейной традиции Плюшкиного магазина: «Мама требовала, чтобы вечером, перед тем как ложиться спать, мы не оставляли игрушек где попало, а убрали бы их. Конечно, мы постоянно забывали. Тогда мама объявила, что все неприбранные игрушки она вечером

будет брать и прятать, как Плюшкин. И рассказала про гоголевского Плюшкина, как он тащил к себе все, что увидит. Так и стала делать. Неприбранные игрушки исчезали. Иногда бывало, что мы их и не хватимся и забывали о них, иногда хватимся, да уже поздно. Раза два в год происходила торжественная разборка “Магазина Плюшкина”, — мы его сокращенно называли “Плюшкин магазин”. Мама отпирала шкаф, мы нетерпеливо толпились вокруг, она вынимала по одной вещи, выясняла ее владельца, и он получал ее обратно» [Вересаев, 1961, с. 21]. Повседневность наполнена большим массивом культурных установок, стереотипов, сценариев, которые обуславливают её устойчивость. Так, описывая повседневную жизнь мастерового люда в Туле XIX века, Г. И. Успенский упоминает о культурном сценарии «понедельничать», то есть употреблять спиртные напитки в понедельник: «...вся “мастеровщина” города в этот день не имела сил ударить палец об палец, утверждая, что в этот день работают “лядкины детки”, а все настоящие люди рыщут целый день, желая отдать душу дьяволу, только бы опохмелиться» [Успенский, 1977, с. 60]. Л. П. Станкевич и И. П. Полякова точно характеризуют когнитивный контент повседневности: «Повседневная жизнь человека наполнена хлопотами по поводу воспроизведения себя в мире в качестве живущего существа, а не мыслящего». [Капкан, 2016, с. 75]. Из приведённого тезиса следует, что коннотации знаков повседневности генерированы повторяющимся укладом обыденной жизни. Целью обыденного познания является не целенаправленное генерирование понятий, а непосредственное созерцание жизни и обобщение знаний в опыте.

Повседневность формирует базу оснований оценки, которой руководствуется человек. Так, в устаревшем бытовизме, используемом в речи туляков, есть слово *перекабыльство*, в значении которого отражена негативная оценка беспредметной болтовни: «Несуветное перекабыльство! [Слово это происходит от “кабы”. Разговор, в котором “кабы” упоминается часто (кабы то-то да кабы другое... кабы ежли и т. д.), очевидно, разговор не дельный; таким образом, “перекабыльство” — то же, что бестолковое “галдение” в разговоре и бессмыслица в поступках. (Здесь и далее примечания наши. — Г. Т.)] — Перекабыльство? — переспрашивает чиновник. — Да больше ничего, что одно перекабыльство» [Успенский, 1977, с. 29]. М. В. Капкан отмечает: «...повседневность задает ту систему координат, с позиций которой оцениваются все остальные области деятельности человека» [Капкан, 2016, с. 15]. Специфика повседневности приобретает знаковую для интерпретатора, который в неё включён. Так, только житель Тулы может декодировать знаки *на Яблочкова*, *на Калинина*. Например, во фразах: *На Калинина не направили. Лежит на Яблочкова*, — приведённые имена собственные являются названиями улиц, на которых

располагаются онкологические больницы. Коннотативный фон данных номинаций включает негативные, неодобрительные семы, связанные с представлениями о тяжёлой, неизлечимой болезни. Из этого следует, что повседневность воплощает нормы и запреты. Так, В. В. Вересаев в «Воспоминаниях» упоминает гудок оружейного завода, который, как адмиралтейская пушка, отмерял рабочее время: «Двенадцать часов. Далеко, на оружейном заводе, протяжный, могучий, на весь город гудок...» [Вересаев, 1961, с. 38]. Гудок является репрезентантом нормы обычного течения рабочего времени. Этот аспект повседневности даёт основания М. В. Капкан характеризовать её как «...особый модус бытия человека и общества, первичный для человека...» [Капкан, 2016, с. 17].

Ментальный аспект повседневности объединяют принципы: так принято, так должно. Так, С. А. Толстая описывает заурядный день своего мужа: «Встаёт, пьёт кофе, гуляет или купается утром, никого не повидав, садится писать; едет на велосипеде или опять купаться; или просто так; обедает или идёт вниз читать, или на теннис. Вечер проводит у себя в комнате, после ужина только немного посидит с нами, читая газеты или разглядывая разные иллюстрации» [Толстая, 2022, с. 277]. Из приведённых примеров следует, что в сознании повседневность представлена прототипами, позволяющими множество представлений привести к некоему типичному стандарту и сценарию поведения. Например, В. В. Вересаев так описывает типичные сценарии своей жизни в гимназические годы: «... пять часов продолжались уроки в гимназии; придешь домой, — обед, час-два отдыха; от пяти до шести — занятия с гувернанткой нашей Марией Порфирьевной, один день немецким языком, другой день французским; потом уроки учить часов до одиннадцати» [Вересаев, 1961, с. 118].

Повседневность идеологична, если под идеологией понимать «актуализированный статус ценностей» [Греймас и др., 1983, с. 496]. Так, В. В. Вересаев вспоминает о демократических принципах воспитания детей, которые сложились в его семье: нельзя было по пустякам обращаться к прислуге, следовало самому убирать за собой: «Мы как будто получали воспитание демократическое, папа и мама не терпели барства, нам очень часто приходилось слышать фразу: “Подумаешь, какой барин!”» [Вересаев, 1961, с. 82]. Эти принципы были репрезентантами идеологии повседневности данной семьи. Динамика актуальности прецедентных имён, функционирующих в городском пространстве, отражает идеологичность повседневности. Так, для туляка, жившего в XIX веке, актуальны имена купцов Мотякиных, Лопатиных, Сушкиных, Ванькина, которые были положены в основу названий улиц. Смена культурной парадигмы привела к перемещению данных номинаций в пассивную часть культурной памяти.

В XX веке были актуализированы новые номинации, например имя доктора Гумилевской, работавшей в главном родильном доме Тулы на протяжении нескольких десятилетий. Однако в начале XXI века данная лингвокультурная история прочитывается уже не всеми горожанами.

3.3. Семиотическое измерение повседневности

Семиотический аспект повседневности представляют различные практики человека и привычные для него знаковые множества, в которых они осуществляются. Так, обычный костюм мастерового человека может стать примером такой семиотики: «Растрепанная, ободранная и тощая фигура рабочего человека, с свалывающею войлоком бородой, в картузе, простреленном и пулями и дробью во время пробы ружья, с какими-то отчаянными порывами ежеминутно доказывать, что “жизнь — копейка”» [Успенский, 1977, с. 26]. М. В. Капкан отмечает: «...повседневность охватывает достаточно разнородный круг феноменов: привычную трудовую деятельность, этикетные формулы поведения, техники решения профессиональных и домашних проблем, сегмент развлечений (как частный случай потребления), стереотипы и предрассудки, которыми мы руководствуемся в своей деятельности» [Капкан, 2016, с. 9] Так, В. В. Вересаев описывает этикетную традицию снимать головной убор при посещении общественного места. Когда Витя Смидович пришёл в Петропавловскую аптеку и показал рецепт, он услышал упрёк: «Потрудитесь снять шапку!» [Вересаев, 1961, с. 70]. Этот случай оставил след в памяти мальчика. Далее рассказчик пишет о том, как через двадцать пять лет в Париже он зашёл в магазин, чтобы купить себе галстук, и снял головной убор. «Мосье! Наденьте шляпу» [Там же, с. 71], — услышал он. Данный пример демонстрирует этикетную повседневность разных культур. К основным практикам можно отнести трудовую или учебную деятельность и досуг. Каждую из этих практик можно детализировать. Например, как обычно я провожу свободное время после работы, что обычно я делаю в выходной день, как отмечаю праздник, что делаю в отпуске и т. д. В. В. Вересаев описывает традицию отмечать день рождения представителями старых провинциальных обедневших дворянских родов на примере своей бабушки: «На именины бабушки в большом количестве являлись плохо одетые старушки с льстивыми глазами, отставные мелкие чиновники с красными носами. Пили апельсиновую водку, ели пирог с капустой и рассказывали о разных своих зловключениях» [Там же, с. 83—84]. В этом аспекте можно говорить о семиотиках жилища, места учёбы или работы, отдыха, праздника и др. М. В. Капкан представляет повседневность «как систему мест, в которых осуществляется деятельность, направленная на удовлетворение жизненных потребностей» [Капкан, 2016, с. 26]. Так, С. А. Толстая записала, как Лев Николаевич вспоминал план

своего яснополянского дома, в котором он провёл детство: «Он вспоминал: тут была детская, тут жила Прасковья Саввишна, тут был большой отцовский кабинет, большая зала, комната холостых, официантская, диванная и т. д.» [Толстая, 2022, с. 343]. Данное описание соответствовало стандарту обустройства дворянского жилища. М. В. Капкан отмечает, что «культура повседневности не получает институционального оформления. Она рождается и функционирует в сфере обыденной деятельности...» [Капкан, 2016, с. 16]. Мы полагаем, что бытие каждого социального института имеет повседневный аспект, в котором генерируются обыденные знания.

Креолизованный характер повседневности отмечает В. Д. Лелеко: «Повседневность полилингвистична. В ее пространстве функционирует несколько языков» [Лелеко, 2002, с. 41]. Этот же признак повседневности подчёркивает С. Махлина: «Особенности восприятия человеком окружающего его мира формируются акустическими, тактильными, визуальными каналами, что в итоге рождает полилингвистичность повседневности» [Махлина, 2009, с. 528—529]. В семиотических множествах повседневности можно выделить ключевые знаки, наиболее ярко подчёркивающие её своеобразие. Так, городские топонимы *Криволучье*, *Мясново*, *Глушанки* прочитываются туляком как удалённые, непрестижные объекты. Среди многообразия микротопонимов именно эти номинации становятся ключевыми знаками региональной культуры. Будучи сегментом культуры, формой существования повседневности является текст культуры.

3.4. Повседневность и идентичность

Повседневность можно охарактеризовать как ментально-знаковую сферу бытия субъекта, среду его существования. В этом усматривается связь повседневности с идентичностью, которая проявляется в том, что первая воспринимается субъектом культуры как своё, понятное, известное, безопасное, комфортное пространство. В названном аспекте повседневность может быть рассмотрена в субъективной и объективной ипостасях. В первом случае она трактуется как проявление личностного бытия и сознания. А. Ю. Березовая пишет: «Повседневность человека — это и есть его внутренний жизненный мир, объективированный вовне. Повседневность — это мой мир, это близкое, родное, свое, обычное, привычное и т. п. Вот то, что рядом с моим здесь-и-сейчас, это мой жизненный мир, чуть подалее — тоже моя повседневность; границы, где она кончается, размыты, неизвестны» [Березовая, 2012, с. 249]. Этот аспект повседневности находит своё отражение в дневниках, мемуарах, воспоминаниях, путевых заметках. Приведём пример из дневника С. А. Толстой, запись от 7 октября 1863 года: «Скука. Как ещё радостно, что есть сын. Зачем няня; беспрестанные заботы о пелёнках меня отвлекали от мыслей... На бал хо-

чется — но скука не от того...» [Толстая, 2022, с. 32]. Дневниковая запись фиксирует душевное состояние человека в данный момент. М. В. Капкан включает в понятие повседневности «...субъективные переживания, мнения, оценки и способы мировосприятия, характерные для обыденной жизни» [Капкан, 2016, с. 14] Во втором случае повседневность характеризует обыденную жизнь социума. А. Шюц вводит понятие «мы-группы» для характеристики идентифицирующей функции повседневности: «То, что считается знакомым каждому, кто разделяет нашу систему релевантностей, — это образ жизни, рассматриваемый как естественный, нормальный, правильный членами “мы-группы”. В качестве такового он является источником множества рецептов обращения с вещами и людьми в типичных ситуациях...» [Шюц, 1988, с. 134].

Примером вербального воплощения повседневности этого вида является газета. Так, в тульской газете «Коммунар» (№ 3, 4 января 1942) отражена повседневность города в это время: проведение новогодней ёлки во второй школе, открытие катка и лыжной станции при стадионе «Пищевик», окончание ремонта в облдрамтеатре им. М. Горького, открытие школ в тульской области, возобновление работы гармонной фабрики, открытие ряда аптек [Коммунар]. В контексте региональной идентичности повседневность проявляет себя в городской (в широком понимании данного слова) обыденности: то, что является общепринятым, понятным для жителей локации. Например, современным туляком прочитываются ключевые знаки, указывающие на границы города: *Красные ворота, Белые ворота, Косая Гора*.

Семиотические сферы идентичности и повседневности находятся в привативных отношениях: то, что является обычным, не всегда выступает знаком своего в противовес чужому. При этом все культурные маркеры идентичности включены в повседневность субъекта культуры. Так, для С. А. Толстой суп *принтаньер* является знаком традиционного обеденного блюда: «И сейчас обед писать: суп принтаньер. Ах, как надоело! 35 лет, всякий день — суп принтаньер» [Толстая, 2022, с. 237]. Из этого следует, что лингвокультурные единицы входят в символярий повседневности. Повседневность формирует почву для формирования знаков идентичности. Так, Г. И. Успенский описывает обыденность Тулы XIX века: «В будничные дни к звонкому пению кур присоединяется стук молотков, то вперемежку, то сразу вдруг обрушивающихся на отчеканиваемую металлическую массу; жужжание токарного станка — и надо всем этим, по обыкновению, тихая песня» [Успенский, 1977, с. 24]. Знаки: «стук молотков», «звук гармони», «жужжание токарного станка» — выступают средствами идентификации туляка.

4. Заключение = Conclusions

Итак, лингвокультурологическое освещение повседневности, под которой мы предлагаем понимать сегмент обыденной культуры, охватывающий текущее время, позволил выявить следующие признаки данного феномена:

- отражение синхронного существования обыденной культуры;
- охват всех сфер актуальной жизни общества в ее текущем состоянии;
- включение в себя обычного, заурядного, общепринятого, закономерного, стандартного, привычного, узнаваемого;
- стабильность и в то же время изменчивость;
- аспектуализация в соответствии с возрастными, гендерными, социальными характеристиками субъекта культуры, воплощение как индивидуального, так и коллективного мировосприятия;
- формирование когнитивной базы для оценки действительности.

Будучи формой существования культуры, повседневность имеет ментальное и знаковое измерение. Первое наполняет система наивных знаний: представления, обыденные понятия, культурные установки, стандарты, нормы, запреты, категоризованные в сознании в виде скриптов и прототипов. Повседневность включает актуальные ценности, воплощающие современную ей идеологию.

Второе представлено различными практиками человека и привычными для него знаковыми множествами, в которых они осуществляются. Вербальными формами отражения повседневности являются дневники, воспоминания, путевые заметки, газеты. Основная форма существования повседневности — креолизованный текст культуры.

Повседневность связана с культурной идентичностью, поскольку она отражает сферу существования субъекта культуры. Семиотические сферы идентичности и повседневности находятся в привативных отношениях: то, что является обычным, не всегда выступает знаком своего в противовес чужому. При этом все культурные маркеры идентичности включены в повседневность субъекта культуры. Из этого следует, что лингвокультурные единицы входят в символарий повседневности. Повседневность формирует почву для создания знаков идентичности.

Изучение языка в аспекте повседневности является перспективным вектором развития лингвокультурологии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Вересаев В. В.* Воспоминания / В. В. Вересаев // Собрание сочинений в 5 т. — Москва : Правда, 1961. — Т. 5. — 536 с.
2. *Коммунар* [Электронный ресурс] // Тульский исторический портал. — 1942. — № 3. — Режим доступа : <http://data.tularlic.ru/newspaper/Коммунар/1942/8> (дата обращения 21.07.2023).
3. *Толстая С. А.* Дневники 1862—1910 / С. А. Толстая. — Москва : Захаров, 2022. — 704 с. — ISBN 978-5-8159-1433-9.
4. *Успенский Г. И.* Нравы Растеряевой улицы / Г. И. Успенский // Теперь и прежде. — Москва : Сов. Россия, 1977. — С. 23—180.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка : попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. — Москва : Яз. рус. культуры, 1995. — Т. 1. — С. 348—388.
2. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу : В 3 т. / А. Н. Афанасьев [Репринт издания 1865 г., с исправлениями]. — Москва : Индрик, 1994.
3. *Березовая А. Ю.* Становление термина «повседневность». Различные подходы к рассмотрению термина «Повседневность» учёными / А. Ю. Березовая // Культура. Духовность. Общество. — 2012. — № 1. — С. 244—252.
4. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель ; пер. с фр. Л. Е. Куббеля. — Москва : Прогресс, 1986. — Т. 1. — 624 с.
5. *Греймас А. Ж.* Семиотика : Объяснительный словарь теории языка / А. Ж. Греймас, Ж. Курте // Семиотика. — Москва : Радуга, 1983. — С. 483—550.
6. *Калёнова Н. А.* Лингвокреативный потенциал фразеологии повседневности / Н. А. Калёнова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2020. — № 7 (150). — С. 97—105.
7. *Капкан М. В.* Культура повседневности / М. В. Капкан. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 110 с. — ISBN 978-5-7996-1852-0.
8. *Карлсон Ю. В.* Повседневность как объект социально-философского знания / Ю. В. Карлсон // Структуры повседневности : Социал.-философский анализ. — Пятигорск : Пятиг. гос. лингв. ун-т, 2011. — С. 12—30. — ISBN 978-5-4220-0271-9.
9. *Кириленко Г. Г.* Мирозозрение. Жизненный мир. Повседневность / Г. Г. Кириленко // Преподаватель XXI век. — 2009. — № 4. — С. 250—255.
10. *Лелеко В. Д.* Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. — 320 с. — ISBN 5-94708-007-9.
11. *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий / Ю. М. Лотман. — Москва : Проспект, 2023. — 440 с. — ISBN 978-5-392-36578-4.
12. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века) / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1994. — 412 с. — ISBN 978-5-210-01631-7.
13. *Махлина С.* Семиотика повседневности / С. Махлина // Словарь по семиотике культуры. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2009. — С. 525—535. — ISBN 978-5-210-01591-4.
14. *Потебня А. А.* Символ и миф в народной культуре / А. А. Потебня. — Москва : Лабиринт, 2000. — 480 с. — ISBN 5-87604-191-2.

15. Ринчинова М. М. Понятие «повседневность» в научном дискурсе / М. М. Ринчинова // Культура и цивилизация. — 2019. — Том 9. — № 2А. — С. 74—81.
16. *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь : В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995.
17. Станкевич Л. П. Феномен повседневности: сущность, содержание и целостность / Л. П. Станкевич, И. П. Полякова // Философия и общество. — 2009. — № 2. — С. 72—81.
18. Телия В. Н. Русская фразеология : семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Яз. рус. культуры, 1996. — 284 с.
19. Токарев Г. В. Специфика бренда как лингвокультурной единицы (на примере текста тульской культуры) / Г. В. Токарев // Научный диалог. — 2023. — № 12 (4). — С. 261—278. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-4-261-278>.
20. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исследование в области мифопоэтического : Избранное / В. Н. Топоров. — Москва : Прогресс ; Культура, 1995. — 624 с. — ISBN 5-01-003942-7.
21. Шюц А. О множественности реальностей / А. Шюц // Социологическое обозрение. — 2003. — Т. 3. — № 2. — С. 3—34.
22. Шюц А. Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социологические исследования. — 1988. — № 2. — С. 129—137.
23. Ястребицкая А. Л. Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиэвистике / А. Л. Ястребицкая // Одиссей : Человек в истории. — Москва : Наука, 1991. — 412 с.

Статья поступила в редакцию 14.08.2023,
одобрена после рецензирования 10.09.2023,
подготовлена к публикации 26.09.2023.

Material resources

- Kommunar. (1942). *Tula Historical Portal*, 3. Available at: <http://data.tularlic.ru/newspaper/Kommunar/1942/8> (accessed mode 21.07.2023). (In Russ.).
- Tolstaya, S. A. (2022). *Diaries 1862—1910*. Moscow: Zakharov. 704 p. ISBN 978-5-8159-1433-9. (In Russ.).
- Uspensky, G. I. (1977). Customs of Rasteryaeva Street. In: *Now and before*. Moscow: Sov. Russia. 23—180. (In Russ.).
- VeresaeV, V. V. (1961). Memoirs. In: *Collected works in 5 volumes*, 5. Moscow: Pravda. 536 p. (In Russ.).

References

- Afanas'yev, A. N. (1994). *Poetic views of the Slavs on nature: In 3 vols*. Moscow: Indrik. (In Russ.).
- Apresyan, Yu. D. (1995). The image of a person according to language data: an attempt at a system description. In: *Selected works. Integral language description and system lexicography, 1*. Moscow: Yaz. rus. Kultury. 348—388. (In Russ.).
- Berezovaya, A. Yu. (2012). The formation of the term “everyday life”. Various approaches to the consideration of the term “Everyday life” by scientists. *Culture. Spirituality. Society, 1*: 244—252. (In Russ.).
- Braudel, F. (1986). *Material civilization, economy and capitalism, XV—XVIII centuries. Structures of everyday life: the Possible and the impossible, 1*. Moscow: Progress. 624 p. (In Russ.).

- Greimas, A. J., Courte, J. (1983). Semiotics: Explanatory dictionary of language theory. In: *Semiotics*. Moscow: Raduga. 483—550. (In Russ.).
- Kalenova, N. A. (2020). Linguocreative potential of phraseology of everyday life. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 7 (150): 97—105. (In Russ.).
- Kapkan, M. V. (2016). *Culture of everyday life*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. Unita. 110 p. ISBN 978-5-7996-1852-0. (In Russ.).
- Karlson, Yu. V. (2011). Everyday life as an object of socio-philosophical knowledge. In: *Structures of everyday life: Social — philosophical analysis*. Pyatigorsk: Pyatig. gos. lingv. un-t. 12—30. ISBN 978-5-4220-0271-9. (In Russ.).
- Kirilenko, G. G. (2009). Worldview. The life world. Everyday life. *Teacher of the XXI century*, 4: 250—255. (In Russ.).
- Leleko, V. D. (2002). *The space of everyday life in European culture*. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Culture and Arts. 320 p. ISBN 5-94708-007-9. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1994). *Conversations about Russian culture. The life and traditions of the Russian nobility (XVIII — early XIX century)*. Saint Petersburg: “Art-SPb”. 412 p. ISBN 978-5-210-01631-7. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (2023). *A. S. Pushkin’s novel “Eugene Onegin”. Comment*. Moscow: Prospekt. 440 p. ISBN 978-5-392-36578-4. (In Russ.).
- Makhlina, S. (2009). Semiotics of everyday life. In: *Dictionary of semiotics of culture*. St. Petersburg: Art-SPb. 525—535. ISBN 978-5-210-01591-4. (In Russ.).
- Potebnya, A. A. (2000). *Symbol and myth in folk culture*. Moscow: Labyrinth. 480 p. ISBN 5-87604-191-2. (In Russ.).
- Rinchinova, M. M. (2019). The concept of “everyday life” in scientific discourse. *Culture and civilization*, 9 (2A): 74—81. (In Russ.).
- Schutz, A. (1988). The structure of everyday thinking. *Sociological research*, 2: 129—137. (In Russ.).
- Schutz, A. (2003). On the multiplicity of realities. *Sociological Review*, 3 (2): 3—34. (In Russ.).
- Slavic Antiquities. Ethnolinguistic dictionary: In 5 volumes*. (1995). Moscow: International Relations. (In Russ.).
- Stankevich, L. P., Polyakova, I. P. (2009). The phenomenon of everyday life: essence, content and integrity. In: *Philosophy and Society*, 2: 72—81. (In Russ.).
- Telia, V. N. (1996). *Russian phraseology: semantic-pragmatic and linguoculturological aspects*. Moscow: Yaz. rus. Kultury. 284 p. (In Russ.).
- Tokarev, G. V. (2023). Specifics of Brand as Linguocultural Unit (Tula Text of Culture). *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 261—278. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-4-261-278>. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1995). *Myth. The ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic: Favorites*. Moscow: Progress; Culture. 624 p. ISBN 5-01-003942-7. (In Russ.).
- Yastrebitskaya, A. L. (1991). Everyday life and material culture of the Middle Ages in Russian medieval studies. In: *Odyssey: A Man in History*. Moscow: Nauka. 412 p. (In Russ.).

*The article was submitted 14.08.2023;
approved after reviewing 10.09.2023;
accepted for publication 26.09.2023.*